

Он не особо заботился о том, какие мысли вызовут его слова у вдовствующей наложницы Сянь. В некоторых случаях лучше действовать, чем оставаться в стороне. И только столкнувшись с определенными обстоятельствами, можно понять, кто перед тобой — человек или демон.

Вдовствующая наложница Сянь временно смирилась, и Ци Цзюньму не хотел здесь задерживаться. Он мягко сказал вдовствующей императрице:

— Матушка, позаботьтесь о делах гарема.

Вдовствующая императрица вздохнула, ее лицо стало холодным:

— Мы мать и сын, зачем говорить о заботах. В вашем гареме мало людей, и теперь, когда произошло такое грязное дело, ради спокойствия гарема я не позволю этим коварным людям добиться своего.

Ци Цзюньму опустил голову, на лице появилась легкая почтительность:

— Благодарю вас, матушка.

Затем он покинул дворец Жэньшоу, сославшись на дела в переднем дворце, требующие его внимания. С начала и до конца он не обмолвился ни словом с Вэнь Вань. Жуань Цзицин стоял с совершенно потерянным и смущенным видом, держа в руках иллюстрированный альбом, и не зная, куда его деть.

Затем он сунул вещи за пазуху и сказал:

— Раб сейчас же уничтожит это.

Лицо его горело, и он побежал за Ци Цзюньму мелкой рысцей.

Ци Цзюньму пришел быстро и ушел еще быстрее. Вдовствующая императрица подумала, что он смутился. Она лучше всех знала о делах во дворце: император еще ни с кем не был близок и в вопросах любви был весьма неопытен.

Теперь, когда произошло такое дело, он как император не хотел слишком вмешиваться, что было естественно. Поскольку это произошло в гареме, лучше было решить это там.

После того как Ци Цзюньму покинул дворец Жэньшоу, вдовствующая наложница Сянь тоже нашла предлог уйти. Слова императора были обидными, и теперь ей нужно было срочно что-то предпринять.

Вдовствующая императрица знала, что она расстроена, и притворно предложила остаться, но отпустила ее.

Спокойный, но поспешный уход вдовствующей наложницы Сянь принес вдовствующей императрице некоторое удовлетворение. Она и привлекала, и подавляла вдовствующую наложницу Сянь и линию Ци Цзюнью.

Теперь, когда ситуация сложилась так, она, хотя и беспокоилась, что слова Ци Цзюньму вызовут недовольство некоторых, думала, что, хотя его слова были резкими, это должно было охладить пыл вдовствующей наложницы Сянь и Ци Цзюнью. По крайней мере, они должны были понять, кто правит Великой Ци.

Думая об этом, вдовствующая императрица медленно посмотрела на Вэнь Вань, стоявшую на

коленях:

— Сегодня я не хотела тебя специально упрекать, но ты как императрица и хозяйка гарема должна была знать об этом. Если бы из-за этого пострадала репутация императора, это была бы твоя вина. Император каждый день занимается государственными делами, у него нет времени на беспокойство о гареме. Как я могу не сердиться?

— Наставления матушки я запомню.

Чем больше сердилась вдовствующая императрица, тем почтительнее становилась Вэнь Вань, ее слова были осторожными и уважительными. Хотя вдовствующая императрица и была недовольна Вэнь Вань, ей нравилось, что та сразу признавала свои ошибки и искренне уважала ее.

Иначе она бы не пришла извиняться за императора, как только услышала, что он сказал что-то неподобающее.

Вдовствующая императрица немного смотрела свысока на Вэнь Вань, но ей нравилось, что та ее уважала.

Думая об этом, вдовствующая императрица смягчила выражение лица и позволила Вэнь Вань встать, затем продолжила:

— Я слышала о ваших отношениях с императором. Он обычно очень терпим к тебе, и ты тоже должна думать о нем. Он все-таки хозяин Великой Ци, молод и вспыльчив. Как жена, ты должна радовать мужа.

Вэнь Вань была очень благодарна за эти слова. Она посмотрела на вдовствующую императрицу с покрасневшими глазами:

— Слова матушки я запомню. Я обычно получаю много внимания от императора и стала немного высокомерной. К счастью, матушка вовремя напомнила мне. Хотя я императрица, я должна управлять гаремом, но я от природы глупа и не разбираюсь в этом. Надеюсь, матушка будет направлять и учить меня.

Были ли эти слова искренними или нет, но они пришлись по душе вдовствующей императрице.

Она посмотрела на Вэнь Вань и сказала:

— Конечно.

Вэнь Вань была бесконечно благодарна.

* * *

Пока вдовствующая императрица и Вэнь Вань разыгрывали сцену глубокой привязанности, Ци Цзюньму вернулся в чертог Цяньхуа.

Командующий правой частью дворцовой стражи Ван И вернулся с Северной горы для доклада.

Правого командующего в столичной страже звали Ван И, а в гвардии Северной горы его называли генералом Северной горы.

Ван И был человеком императора Цзина. Ему только что исполнилось тридцать, и он мог

считаться молодым и перспективным, но по сравнению с Шэнь Нянем, который стал известным в молодости, он немного отставал.

Ван И был весьма самоуверенным человеком и презирал дворцовую стражу, считая их просто украшением при императоре, не идущим ни в какое сравнение с гвардией Северной горы.

К Ци Цзюньму, который недавно взшел на трон, он тоже относился с пренебрежением. Гвардия Северной горы защищала безопасность столицы, и даже император Цзин оказывал им уважение. В глазах Ван И Ци Цзюньму не был исключением.

Ван И и Ян Цзинлэй не ладили, главным образом потому, что Ван И был правым командующим уже давно, а Ян Цзинлэй был назначен Ци Цзюньму. У них были разные хозяева, и их сердца не были едины.

Каждый раз, когда Ян Цзинлэй отправлялся на Северную гору, Ван И издевался над ним.

Ян Цзинлэй был простодушным человеком, действовал строго по правилам и не знал, как пожаловаться, чтобы не выглядеть глупым, поэтому многие вещи Ци Цзюньму не знал.

Когда известие о поездке Ян Цзинлэя за пределы столицы дошло до Северной горы, Ван И даже выпил бочку вина от радости.

Ван И думал, что теперь, когда нет надоедливового левого командующего, кто бы ни пришел на Северную гору, он сможет его запугать.

Но неожиданно прибыл Шэнь Нянь. Шэнь Нянь, проведя много времени на границе, имел в характере что-то от разбойника. Его стиль действий сильно отличался от Ян Цзинлэя, выросшего в столице. Методы Ван И по запугиванию выглядели как ребенок, размахивающий молотом перед взрослым.

К тому же Шэнь Нянь не был тем, кто терпит обиды. Если Ван И пытался что-то сделать, Шэнь Нянь не только избегал этого, но и думал о том, как отомстить.

Ван И, как бы он ни считал себя непобедимым, не имел боевого опыта.

Шэнь Нянь же был другим, он убивал и проливал кровь на поле боя, поэтому, когда Ван И снова послал людей ему досаждать, Шэнь Нянь просто ударил его, сбил с ног и повесил вниз головой на дерево на время, пока горела палочка благовоний.

Для Ван И это было унижением, и именно поэтому он так быстро приехал в столицу, чтобы встретиться с императором. Вытирая слезы и рассказывая о своих обидах, Ван И не вызвал никаких эмоций у Ци Цзюньму.

По словам Ван И, Шэнь Нянь стал наглецом, который злоупотреблял своей властью и презирал императора. Он был гвардейцем Северной горы, защищавшим безопасность императора, и оскорбление его было оскорблением императора, что являлось великим непочтением.

Также Ван И намекнул, что Шэнь Нянь, имея армию Северных рубежей, не удовлетворился этим и теперь намеревался захватить власть над гвардией Северной горы.

Такие обвинения, независимо от их правдивости, легко могли посеять зерно сомнения в сердце императора.

Император, сидящий на троне, был обречен на одиночество и подозрительность.

Часто император, возможно, и понимал, что некоторые люди были оклеветаны, но он не мог рисковать и позволял казнить их, чтобы избежать проблем.

Ван И именно на это и рассчитывал, и его план был крайне коварен.

Ци Цзюньму был терпеливым человеком, он дождался, пока Ван И закончит говорить, и затем произнес:

— Ван Цин, вы обвиняете Шэнь Няня в нарушении императорского указа и попытке захватить власть над гвардией Северной горы?

Ван И не ожидал, что первым вопросом императора будет именно это. Вспомнив, как его повесили вниз головой на дереве и над ним смеялись, он покраснел, но не от смущения, а от злости.

Поэтому он снова поклонился и подтвердил:

— Да, ваше величество. Я был назначен покойным императором и пользуюсь вашим доверием, защищая безопасность столицы. Но Шэнь Нянь, исполняя обязанности левого командующего, имеет на Северной горе только право инспекции и надзора. Теперь он так обошелся со мной, как будто Северная гора — его собственный двор, и вел себя крайне безрассудно. Он явно не уважает вас.

— Он действительно не уважает меня, — спокойно сказал Ци Цзюньму.

Услышав это, Ван И обрадовался, решив, что зерно сомнения уже посеяно в сердце императора.

Но затем императорская ярость обрушилась на него. Ци Цзюньму холодно усмехнулся:

— Шэнь Нянь также обвиняет вас в пьянстве, развлечениях и оскорблении меня.

<http://bllate.org/book/16626/1522152>